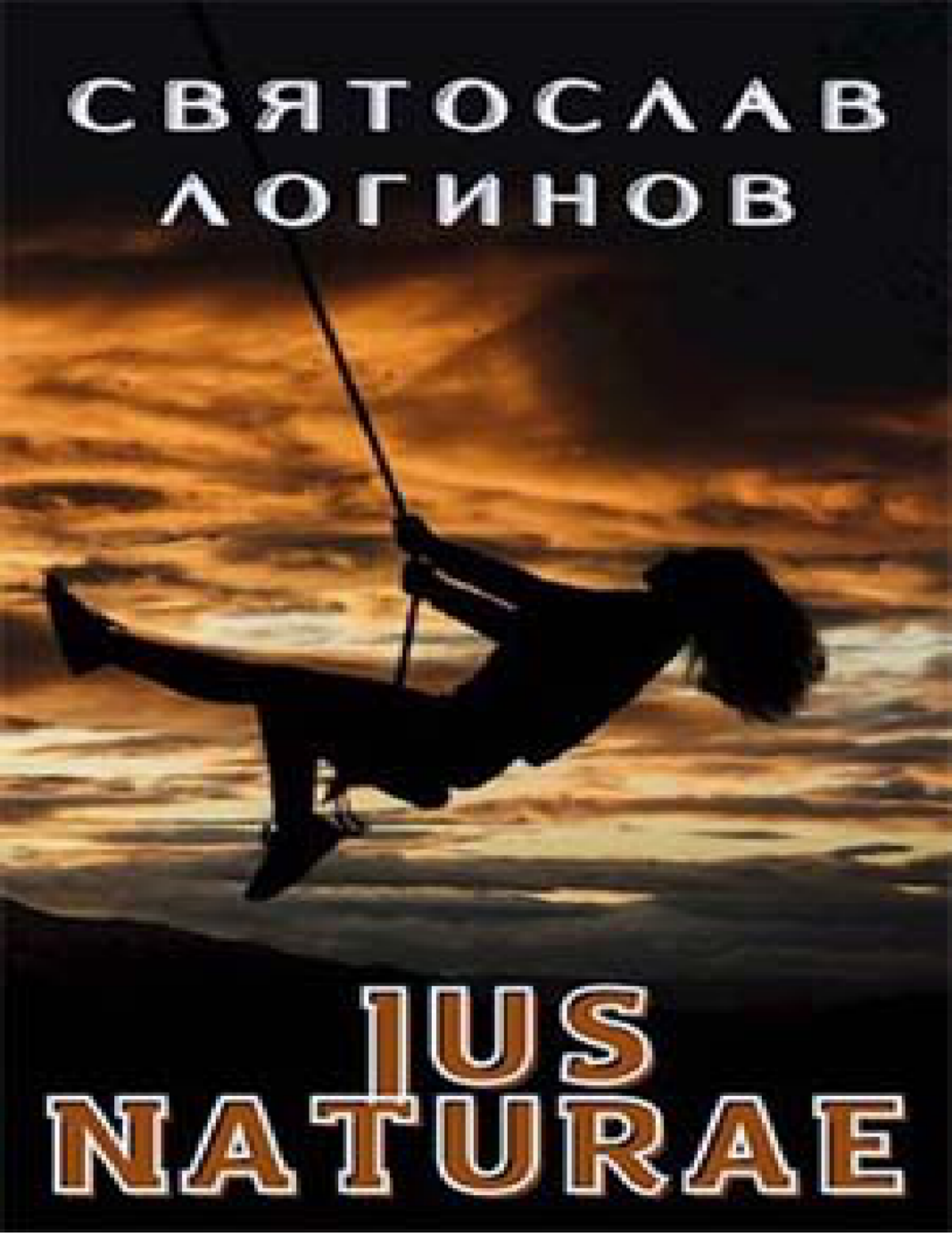
СВЯТОСЛАВ
ЛОГИНОВ
IUS
NATURAE

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Закон природы — это то, что запрещено нарушать строго-настрого. Полиция неукоснительно следит, чтобы никто не вздумал летать со скоростью, превышающей скорость света, а также совершать иные преступления. Совершеннолетний нарушитель несёт уголовную ответственность. А что делать с тем, кто ещё мал?..

- Святослав Логинов
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3

Святослав Логинов
Jus naturae

Натуральную юриспруденцию в младших классах читал сам господин Кони. То был не какой-нибудь нотариус, раз и навсегда вытвердивший свод законов и способный только механически повторять их, ни на одну букву не отклоняясь от заученного однажды. Господин Кони был дипломированным юристом, умел толковать любой закон и мог бы стать известным адвокатом, а вернее — прокурором, ибо это больше отвечало его наклонностям. Однако он предпочёл быть юрисконсультом в начальной школе и председателем опекунского совета в приюте для малолетних граждан.

Что касается самих малолетних граждан, особенно склонных к антиобщественным поступкам, то они предпочли бы, чтобы господин опекун стал судьёй или даже генеральным прокурором. Куда как было бы просто, если бы натуральную юриспруденцию вёл деревенский нотариус или вовсе секретарь. Зазубрил, что положено, и живи себе в правовом государстве. У господина Кони такие штучки не проходили. Он густо покрывал доску рядами сложных формул, рисовал интегралы и матричные уравнения, ничуть не смущаясь тем, что подопечные ещё и таблицу умножения усвоили не твёрдо.

— Незнание закона не освобождает от ответственности, — не уставал повторять он, выписывая на аспидной поверхности острые загогулины радикалов.

Немудрено, что питомцы господина Кони, не слишком разбираясь в написанном, радикалов люто ненавидели и все до одного считались приверженцами либерализма.

— Таким образом, можно считать доказанным, — кроша мел, говорил господин Кони, — что законы сэра Исаака Ньютона продолжают определять правовое состояние нашего мира, поскольку поправки Эйнштейна касаются лишь некоторых граничных состояний и регламентируют поведение систем не встречающихся в приватной жизни.

Господин Кони строго оглядел класс и вопросил:

— Позволительно ли мне будет узнать, о чём думает Алекс Капоне?

Алекс встал из-за последней парты.

— Я… — замялся он, — я слушаю урок, ваша милость.

— Правду, только правду, всю правду! — потребовал педагог.

Господин Кони недолюбливал Алекса. Возможно, в том была

виновата преступная фамилия воспитанника или его имя, которое Кони тоже считал преступным, ошибочно производя от латинского «a lex» — противозаконный. Впрочем, открыто проявлять неприязнь господин Кони себе не позволял, поскольку, являясь опекуном юного Алекса, обязан был относиться к нему отечески.

— Я не понимаю, — признался злоумышленник, — зачем это нужно? Я говорю о поправках Эйнштейна. То есть, не вообще о поправках, а о пределе скорости. Это только на шоссе скорость нельзя превышать, а так… почему нельзя двигаться выше скорости света? Кому от этого плохо?

— Это закон природы! — отчеканил господин Кони. — Законы природы не обсуждаются, они самодостаточны, их можно изучать и необходимо выполнять. Всё. Садись.

— Но, ваша милость!..

— Я сказал — всё!

— Слушаюсь, ваша милость.

Алекс сел на место. Он ловил на себе недоуменные взгляды одноклассников. Никто не понимал, с чего ему понадобилось вылезать с вопросом, какой и первоклашке задавать стыдно. Сейчас господин Кони ничего не сказал, да и потом всё будет как обычно, но на экзамене Алексу эту выходку помянут, можно не сомневаться. Неотвратимость возмездия — основной принцип законности.

Алекс и сам знал это, но сдержаться не мог. Его распирала тайна.

Неделю назад у Алекса появился замечательный друг. С первого взгляда могло показаться, что ничего примечательного в Григоре Стасюлевиче нет. Он не был ни богат, ни особо учён. Рядовой присяжный заседатель, которому, наверное, и в суде-то не приходилось бывать. Где чтят законы — суды редкость, а звание присяжного имеет любой гражданин, достигший двадцати одного года.

И всё-таки, новое знакомство не давало Алексу покоя. Дело в том, что Стасюлевич строил во дворе своего дома машину. То был очень странный агрегат, разом напоминавший детские качели, стиральную машину и будку телефона-автомата. Алекс увидел её, когда гулял по улице и от нечего делать заглянул в дырку забора, окружавшего дом Грегора. Несколько минут Алекс разглядывал механизм и следил за действиями механика, потом громко спросил:

— А что вы делаете?

Грегор — Алекс тогда ещё не знал, что этого человека зовут Грегором, — не стал ни сердиться, ни напоминать о священном

праве собственности, которое Алекс попирает, заглядывая в щель. Грегор вытер руки, подошёл к забору и предложил:

— Лезь сюда.

Страшно подумать, что сказал бы господин Кони, увидев своего воспитанника верхом на заборе!

Оказалось, что Грегор мастерит небывалую машину, которая должна домчать его к любым, самым дальним звёздам.

— Вот смотри, — сказал он и двумя руками нажал на короткий конец качелей. Длинный конец со свистом описал мгновенную дугу. — Видишь, как быстро? А если сделать рычаг до неба, не такой, конечно, не железный, то с ним можно во мгновение ока умчать куда угодно.

Несколько дней после уроков Алекс помогал новому другу устанавливать в кабине приборы и был очень доволен, что занимается таким замечательным делом. А теперь господин Кони утверждает, что они преступники, поскольку пытаются нарушить закон, причём не просто закон, а Закон Природы. Впрочем, пока они ещё не преступники. Volere — non crimen — хотеть — не преступление.

С трудом дождавшись конца занятий. Алекс помчался к Стасюлевичу. Тот выслушал сбивчивые объяснения мальчика и усмехнулся.

— Не бойся. Я же не делаю ничего плохого. Кому может повредить, если я полечу быстрее света? Давай, лучше, испытывать машину. Утром я окончил наладку.

Открылась калитка и в проёме появился господин Кони. Он не переступил невидимой черты — чужие владения неприкосновенны — но, остановившись на пороге, внушительно произнёс:

— Грегор Стасюлевич! До меня дошли сведения, что вы занимаетесь противозаконной деятельностью. Предупреждаю, что законы природы нельзя безнаказанно нарушать, — тут господин Кони заметил стоящего возле агрегата Алекса. — Что я вижу? Алекс Капоне? Воистину, mala herba cito crescit[1]. Ступайте за мной, юноша. А вас, господин Стасюлевич, я обвиняю в совращении малолетних. Вас привлекут к суду!

— Для этого меня надо прежде догнать, — Грегор усмехнулся и шагнул в будку.

Его палец уже касался кнопки, когда рядом выросли фигуры двух жандармов. Неуловимым движением они заломили изобретателю руки.

— Нарушение закона, — проскрипел один полисмен.

— Flagrante de licto[2], — добавил второй. — Вы арестованы.

— Я же ничего… — запротестовал Грегор, но блюстители

порядка уже волокли его прочь.

— Вот злонравия достойные плоды, — мстительно сказал господин Кони. — Я же предупреждал, что закон природы невозможно нарушить.

— Но ведь он никому не сделал плохого! — крикнул Алекс. — За что его арестовали?

— Lex dura, non lex[3], — откликнулся юрист очередной дежурной фразой, — а вы, молодой человек, идите сюда. С вами я буду разбираться отдельно.

Даже теперь господин Кони не переступил запретной границы, оставаясь на общественной земле.

— Не пойду! — выкрикнул Алекс.

Он бросился в кабину одиноко стоящей машины и ткнул в кнопку пуска. Железные пальцы сомкнулись на его запястьях, рванув руки назад.

— Нарушение закона, — проскрипел жандарм.

— Flagrante de licto, — добавил второй. — Вы арестованы.

— Не имеете права! — завопил Алекс. — Я ещё маленький!

— В случае несовершеннолетия правонарушителя, — констатировал первый агент, — ответственность за его действия несут родители.

— Или лица их заменяющие, — добавил второй.

— Мой опекун — господин юрисконсульт Кони, — подсказал Алекс.

Жандармы оставили Алекса и двинулись к господину Кони.

— Погодите!.. — выкрикнул тот, но блюстители порядка уже волокли его прочь.

— Lex dura, non lex! — крикнул вслед Алекс. — Прощайте, господин Кони!

На этот раз он беспрепятственно нажал кнопку, и кабина, описав мгновенную дугу, взмыла к звёздам.

notes

Примечания

1

mala herba cito crescit (лат.) — дурная трава быстро растёт.

2

Flagiante de licto (лат.) — Взят с поличным.

3

Lex dura, non lex (лат.) — закон суров, но это закон.